Л. И. Никовская, Б. И. Степанов

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИИ

Рассматриваемая авторами проблема является попыткой всестороннего анализа такого нового явления российской действительности конца XX века, как этноконфликт. Данная работа написана уже в ситуации, когда утверждается конфликтологическая парадигма, которая ориентирует массовое сознание на понимание неизбежности противостояния в социальных взаимодействиях, где конфликт может выполнить позитивную роль. В концептуальном аспекте межэтнические конфликты рассматриваются авторами исходя из принципов регулирования межнациональных коллизий в постсоветском пространстве. В технологическом аспекте авторами обосновывается необходимость формирования эксперт-ноконсультационных служб, способных осуществлять конфликтологический мониторинг и менеджмент.

Печатается по изданию: Никовская Л. И., Степанов Е. И. Конфликты в современной России. — М., 2000.

Прежде всего, сама содержательная характеристика этого периода как трудного и противоречивого перехода к демократии ориентируется на то, чтобы при анализе складывающихся в этом процессе многочисленных и острых этноконфликтных ситуаций в первую очередь постараться понять и оценить, в какой мере они несут в себе освободи¬тельные тенденции, то есть служат уничтожению тоталитарных структур и связей, демократизации внутри- и межнациональных отношении в данной республике или регионе.

Такой подход прежде всего обеспечивает реализацию важного аспекта этноконфликтологического анализа: от-членение позитивных межнациональных конфликтов от деструктивных — позитивными, с его позиций, представляются все те конфликты между этносами, которые ослабляют тоталитаристские структуры и отношения, выступая фактором расширения и углубления процесса демократизации, негативными — конфронтации, которые тормозят и свертывают этот процесс или вносят в него элементы деструкции..

Кроме того, этот подход позволяет оценить целый спектр национальных сил и движений, стремящихся так или иначе использовать межэтнические отношения в сво¬их интересах, относительно характера и меры их антитоталитаристских или антидемократических устремлений и намерений.

В частности, он дает возможность показать, что нередко межэтнические отношения в данном регионе, начав развиваться на основе освободительных и демократиче¬ских идей и лозунгов, под действием интересов и установок определенных движении и сил довольно быстро приобретают такую направленность, которая не может обеспечить ни освобождения, ни демократизации. Больше того, может сложиться ситуация, в которой все более опасным испытаниям подвергается не только жизнь и благосостояние отдельных членов данной этнической общности, но и существование всего этого этноса в

целом, поскольку он все глубже втягивается в безнадежные кровавые конфронтации с другими этносами, составляющими его окружение.
К сожалению, такого рода сценарии развертывания межэтнических конфликтов, в которых экстремистские лозунги и программы, выдвигаемые национальными движениями, снижают эффективность освободительных устремлений и ведут к эскалации напряженности и конфронтации, на территории бывшего Союза весьма распространенны. На основе их анализа можно сформулировать тот общий вывод, что острота современных межэтниче¬ских конфликтов прямо пропорциональна экстремизму и обратно пропорциональна демократичности выдвигаемых в них требований.
Другой важный ориентир, обеспечивающий адекватное и эффективное этноконфликтологическое исследование, — учет того обстоятельства, что конфликтные ситуации в современных межнациональных отношениях формируются целым комплексом взаимодействующих между собой кризисных факторов — экономических, политико-правовых, идеологических, социокультурных. В сложившейся в обществе острой обстановке тотального кризиса формирование межнационального конфликта, как правило, начинается с формирования у населения тревожных ощущений того, что происходит серьезное ухудшение материального и социального положения. Они, в свою очередь, провоцируют ухудшение национальных отношений в данной республике или регионе, рост взаимных претензий и напряженности между населяющими их этносами. На этой основе активизируется деятельность национальных кадров и элит, которая находит свое воплощение в формировании этнополитических движений и программ. Еще больше взвинчивая межнациональные напряжения и обостряя проблемы, они одновременно усложняют этим их разрешение. Это прогрессирующее ухудшение ситуации обусловливает дальнейшую радиолокализацию национальных движений, рост в них настроений экстремизма и сепаратизма. И так далее.
Можно утверждать, что по такому сценарию в рамках бывшего Союза развивалась большая часть межнациональных конфликтов. Хотя внимательный анализ показывает, что задача облегчения материального и социального положения населения на этом пути радикально не решается, а общий кризис и межнациональные требования лишь обостряются.

Причины и механизмы этноконфликтов

Этнонациональные конфликты — это организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние проходит по линии «этнические общности». Чаще всего такого рода конфликты происходят между меньшинством и доминирующей этнической группой, контролирующей власть и ресурсы в государстве. Существует несколько теорий объяснения причин эт-нонациональных конфликтов, которые были сформулированы на основе исследований в различных регионах мира. Одним из доминирующих является социологический подход, который основывается на анализе этниче¬ских параметров социальных групп (классы, страты, соци¬ально-профессиональные группы и т.д.) и выявляет фено¬мен узурпации тех или иных привилегированных социальных ниш представителями одной группировки в ущерб другой и социальной дискриминации по этническому или расовому признаку. Совпадение социальной стратификации с

этнической структурой населения, а также этнические диспропорции по линии «город — село» при всей их конфликтогенности все же не могут быть истолкованы как основная причина этнонациональных конфликтов.
В социологическом подходе представляет интерес анализ феномена экономического посредничества, особенно роли торговли, которая, как правило, в полиэтнических обществах имеет тенденцию контролироваться представителями какой-то из групп или выходцами из определенного региона. Это обычно вызывает недовольство со сто¬роны остального населения, которое проецирует на торговцев свои негативные реакции через прямые и частые контакты. В целом, однако, соревновательность и конкуренция в сфере трудовых отношений и экономических взаимодействий далеко не всегда может быть названа в числе основных факторов крупных этнических конфликтов.
При объяснении причин этнонациональных конфликтов важное место занимает политологический подход, который выявляет роль элит, прежде всего интеллектуальных и политических, в мобилизации этнических чувств, усилении межэтнической напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта. Именно вопросы о власти, о стремлении элитных групп к обладанию ею, о связи власти с материальным вознаграждением в форме обеспе¬чения доступа к ресурсам и привилегиям являются ключевыми для понимания причин роста этнического национализма и конфликгности, в том числе и на территории бывшего Советского Союза.
За годы советского режима в бывших республиках СССР и в российских автономиях сложились многочисленные и очень образованные этнические элиты титульных национальностей. Начиная с политики «коренизации» 20-х гг. и вплоть до середины 80-х гг. действовала система преференций в сфере подготовки «национальных кадров» из республик во всех областях деятельности. Как только ослаб контроль Центра над национальными элита¬ми и образовался вакуум власти, началась борьба за реальную власть и право контролировать политическую жизнь своих республик и автономий.
Однако не стоит преувеличивать или целиком объяснять причину конфликтов только генерирующей и организующей ролью элит. Недоста¬точность этого подхода в том, что он не может в полной мере объяснить феномен массовой мобилизации и интен¬сивность эмоций участников межэтнических конфликтов, изначальную силу группового стремления к автономии, жертвенность, готовность перейти ради этого к самым жестоким методам насилия.
По-видимому, социально-психологический подход, выявляющий поведенческие механизмы этнических конфликтов, играет в этом плане гораздо более важную роль, чем представлялось раньше. Иррациональное восприятие той или иной этнической группой (а значит и принадлежащими к ней личностями) угрозы утратить самоценность является мощным средством их мобилизации в политиче¬ской реальности, помогающим понять жесткость оформ¬ляющихся предубеждений, экстремизм этнических требо¬ваний и достаточность мотивов для вовлечения в конф¬ликт широких масс рядовых участников.
К ряду социально-психологических причин межэтнических конфликтов и национальных движений можно отнести и чувства утраты достоинства, пережитых «исторических несправедливостей».
На стыке социально-психологических и политологических подходов находится проблема групповой легитимности, связи коллективного самосознания и идентичности с фактом

существования политического образования в форме сложившейся государственности. Со стороны этнических групп формулируется требование, а затем и по¬литическая программа, что государство есть атрибут и гарант сохранения групповой целостности, а значит и то, что составляет государство (территория, институты власти и пр.), должно иметь национально-этнический характер. Аргументы в пользу такой формулы, как правило, берутся из истории со ссылками на те периоды, которые наиболее выгодно могут быть использованы для определения границ и статуса «национального» государства. Именно эти представления и основанная на них стратегия политической мобилизации заключают в себе огромную силу возможного массового этнического конфликта. Создание «национального» государства видится как гарантия от реаль¬ных или гипотетических угроз иноэтнического или просто чужого доминирования над физической и культурной сре¬дой обитания. Этот страх оказаться в подчинении может быть сильнее любых материальных расчетов, и, как реак¬ция на него, возникает стремление к оформлению опреде¬ленных символов своей групповой легитимности и защищенности. Такими символами чаще всего выступает тер¬ритория. Анализ поведения государства, а точнее — его граждан в отношении территориальных вопросов часто поражает своей иррациональностью: государства более го¬товы терять своих собственных граждан в виде жертв насилия, чем делать территориальные уступки. Вообще же тер¬риториально-этнические притязания составляют около 2/3 всех национально-этнических конфликтов на терри¬тории бывших республик СССР. Это и требование изме¬нения границ между национально-государственными об¬разованиями, и требование перехода под новую государственную юрисдикцию целых национально-территориаль¬ных единиц (например возвращение Крымской автономии России и пр.), и стремление к созданию (или воссозданию) национальных образований (автономий или районов) — например немцев в Поволжье; это конфликты, свяанные с репатриацией либо возвращением на свою историческую родину давно вытесненных с нее или репрессированных в годы сталинщины народов (немцы, крымские татары, турки-месхетинцы и пр.), с возвращением беженцев в свои оставленные дома (осетины, ингуши, чеченцы, русские и пр.).

Типология и стадиальность развертывания этноконфликтов

Наконец, важное значение для конкретизации анализа конфликтных ситуаций представляет учет стадии их развертывания и типа, ибо то и другое служит более точному описанию и оценке состояния и тенденций развития этноконфликта и более целенаправленному поиску средств его урегулирования и разрешения. Так, типология этноконфликтов позволяет более точно и содержательно осмыслить как особенности их протекания, так и конкретные средства и способы их регулирования и разрешения. Ведь, к примеру, конфликты на почве этнотерриториальных притяза¬ний обладают существенными отличиями по сравнению с конфликтами, связанными с борьбой сил сепаратизма и федерализма, автономии и централизма, а эти последние, в свою очередь, имеют качественные отличия от конфликтов, имеющих в своей основе выяснение статусного соотношения этносов.

Важно иметь в виду, что при значительном разнообразии объяснительных моделей конфликтов адекватность выбора концепции для исследования зависит именно от определения типа того конфликта, который мы собираемся изучить.

Провести классификацию этнонациональных конфликтов по одному основанию не представляется возможным в силу сложности самого объекта конфликта-этноса и

причин, приводящих к этнонациональному столкновению или коллизии. Думается, что сочетание различных основа¬ний для типологической характеристики этого рода конфликтов вполне обоснованно и плодотворно, поскольку по¬зволяет шаг за шагом разблокировать и урегулировать конфликтные ситуации.
Прежде всего, многие этнонациональные конфликты можно назвать ложными из-за высокой составляющей эмоционального характера. Слишком высокая степень эмоциональной насыщенности затрудняет адекватное восприятие ситуации и противоположной стороны, рождая ложные образы и опасения, агрессивность и дегумани-зируя восприятие оппонентов.
Многие этнические конфликты можно смело обозначить и как замещенные конфликты, поскольку часто антагонизм интересов направлен на этническую группу, кото¬рая реально не является участником конфликта, а замещает какие-либо иные интересы и соображения. Так, часто «национальная карта» разыгрывается в борьбе этнополи-тических элит за передел постимперского наследия.
Учитывая, что в феномене нации особую конституирующую роль играют историко-культурные факторы, можно сказать, что межнациональные конфликты — это чаще всего конфликты культур как результат различного понимания, различного отношения к жизненным реалиям, их толкования.
И, наконец, при классификации этноконфликтов мы имеем дело с реальным конфликтом интересов — из-за неравного доступа различных этносов к ресурсам, неравного распределения объемов и полномочий власти и т.д.
Исследователями выделяются еще два принципа типо-логизации этнических конфликтов: один — по характеру и образу действий конфликтующих сторон и второй — по содержанию конфликтов, основным целям, которые ставит выдвигающая претензии сторона.
Э. А. Паин и А. А. Попов выделяют конфликты стереотипов, т.е. ту стадию конфликта, когда этнические группы не всегда даже четко осознают причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ недржественного соседа, нежелательной группы. Примером этого служат армяно-азербайджанские отношения. Действительно, социологические и полевые этнографические исследования до данного конфликта, еще в советское время, фиксировали взаимные негативные стереотипы армян и азербайджанцев. Так, этносоциологические исследования, которые в начале 80-х годов были проведены в Ереване и других городах Армении под руковод¬ством Ю.В. Арутюняна и Р. Карапетяна, установили, что в гетеростереотипе азербайджанцев не только присутствуют негативные бытовые черты, но и отсутствуют положительные деловые и интеллектуальные качества. Данные были настолько тревожны, что их было решено не публиковать, дабы не провоцировать открытого противоборства. Полевые наблюдения фиксировали то же самое у азербайджан¬цев в гетеростереотипах армян.
Другой тип конфликта — «конфликт идей». Характерными чертами таких конфликтов (или их стадий) является выдвижение тех или иных притязаний. В литературе, сред¬ствах массовой информации обосновывается «историческое право» на государственность, как это было, напри¬мер, в Эстонии, Литве, Грузии, Татарстане и других республиках СССР, на территорию, как это было в Армении и Азербайджане, Северной Осетии и Ингушетии.
Третий тип конфликта — конфликт действий. Это митинги, демонстрации, пикеты, принятие институциональных решений вплоть до открытых столкновений.

Можно было бы возразить, что подобная типологиза-ция есть отражение стадий или форм конфликтов. Но это было бы неточным. В защиту авторов подобной типологи-зации можно сказать, что бывают конфликты, которые остаются только «конфликтом идей». В начале 70-х годов в Чикаго проходили демонстрации с лозунгами «Не поку¬пайте у евреев!». Но никаких действий за этим не следова¬ло. На съездах русских общественных движений, например КРО, можно услышать призывы «Россия для рус¬ских», но до открытых конфликтов на этой почве не доходит (антикавказские погромы на рынках российских городов имели другую основу).
Иная типологизация — по основным целям, содержанию требований — была предложена в 1992—1993 гг. Л. М. Дробижевой. На основе оценки событий конца 80-х — начала 90-х гг. ею были выделены следующие типы этноконфликтов.
Первый тип — статусные институциальные конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за неза¬висимость. Суть таких конфликтов может быть не этнона-циональной, но этнический параметр в них присутствует непременно, и мобилизация по этническому принципу — тоже. Так, национальные движения в Эстонии, Литве, Латвии, в Армении, в Украине, в Грузии, Молдове с само¬го начала выдвигали требования реализации этнонацио-нальных интересов. В процессе развития этих движений казуальная основа конфликтов изменялась и «дрейфовала» от этнонациональных к государственным, но мобилизация по этническому принципу оставалась. Как известно, очень небольшая часть русских на начальных этапах участвовала в Народном фронте Эстонии и тем более в Са-юдисе Литвы.
Основная форма конфликтов этого типа была институциальной. Острый конституционный конфликт возник, когда Эстония, а за ней и ряд других союзных республик, приняли поправки к своим конституциям, внеся в них приоритетное право на использование ресурсов и верховенство законов республики.
Президиум Верховного Совета СССР отменил эти поправки. Но по Конституции СССР сделать это мог только Верховный Совет, а не Президиум (но Верховный Совет тогда, в 1989 г., мог и не отменить эти решения, и именно потому М.С. Горбачев принял решение провести обсужде¬ние на Президиуме Верховного Совета). Так возник пер¬вый конституционный кризис, который был проявлением острого институциального конфликта. Поскольку реше¬ния законодательных органов республик в Эстонии, Литве, Латвии поддерживало большинство титульной национальности, есть все основания относить их к этнонациональным конфликтам.
Статусными конфликтами были и конфликты в союзных и автономных республиках, автономных областях за повышение статуса республики или его получение. Это характерно для части союзных республик, желавших конфедеративного уровня отношений (например Казахстан), для ряда бывших автономий, которые стремились подняться до уровня союзных республик (например Татарстан). Впо¬следствии, после создания независимой России, радикальная часть национального движения Татарстана постави¬ла вопрос об его ассоциированном членстве. Конфликт завершился подписанием Договора между государственными органами Российской Федерации и государственными органами Татарстана, который содержит элементы как федеративных, так и конфедеративных отношений.
За повышение статуса республики до уровня конфедеративных отношений ведут кровавый конфликт абхазы с грузинами.
К этому же типу конфликтов можно отнести движения за создание своих национальных

образований, например ингушей в Чечено-Ингушетии, ногайцев, лезгин в Дагестане, балкарцев в Кабардино-Балкарии.
Автономистские движения были среди таджиков Узбекистана, узбеков Кыргызстана, кыргызов Горного Бадах-шана в Узбекистане.
Второй тип конфликтов — этнотерриториаль¬ные. Это, как правило, самые трудные для урегулирования противостояния. На территории бывшего СССР на период 1992 года было зафиксировано около 200 этнотерриториальных споров. По мнению В.Н. Стрелецкого (Институт Географии РАН), одного из разработчиков Банка данных этнотерриториальных притязаний в геопространстве бывшего СССР, к 1996 г. сохраняли актуальность 140 территориальных притязаний.
Конечно, не все заявленные притязания перерастают в конфликт. Специалисты считают, что к таким конфликтам надо относить споры, ведущиеся «от имени» этнических общностей относительно их прав проживать на той или иной территории, владеть или управлять ею. В. Н. Стрелецкий, например, считает, что любое притязание на территорию, если оно отрицается другой стороной — участницей спора, — уже конфликт.
Вот тут-то, видимо, и важно, какой это конфликт: конфликт представлений, идей или уже действий? Большин¬ство этнотерриториальных споров идет от имени политических элит, правительств, движений. И далеко не всегда эти споры охватывают хотя бы значительные группы какого-то народа. С точки зрения принятого определения этнического конфликта, к ним надо отнести те ситуации, когда идеи территориальных притязаний «обеспечивают» этническую мобилизацию. Если подходить с такой меркой, то число этнотерриториальных конфликтов будет, несомненно, меньше, чем точек территориальных споров.
Например, Калмыкия потеряла какую-то часть своих территорий в годы репрессий. Заявления об этом были, но в конфликты по это¬му поводу калмыки не вступают.
В то же время ингушско-осетинский конфликт за территорию Пригородного района и часть Владикавказа перерос осенью 1992 г. в военные действия.
Территориальные споры часто связаны с реабилитационным процессом в отношении репрессированных народов. Но все же конфликты, связанные с репрессированными народами, — особый тип этнических противоборств. Только часть такого рода конфликтов связана с восстанов¬лением территориальной автономии (немцы Поволжья, крымские татары), в отношении других стоял вопрос о правовой, социальной, культурной реабилитации (греки, корейцы и др.). И только в ряде случаев речь идет о терри¬ториальных спорах. Так, турки-месхетинцы стремились к возвращению на территорию прежнего Проживания в Грузию.
Еще один тип — конфликты межгрупповые (межоб¬щинные). Именно к такому типу относятся конфликты, подобные тем, что были в Якутии (1986), в Туве (1990), русско-эстонский в Эстонии и русско-латышский в Латвии, русско-молдавский в Молдавии.
Массовые межгрупповые насильственные столкновения имели место в Азербайджане, Армении, Киргизии, Узбекистане.
Наряду с приведенной выше все большее распространение в литературе получает типологизация на основе содержания конфликтов, целевых устремлений сторон.
Надо сказать, что типологизация конфликтов, конеч¬но, достаточно условна и нередко в одном конфликте соединяются разные цели и содержание.

Например, карабахский конфликт — это конфликт, связанный и с территориальными спорами, и с повышением статуса автономии, и с борьбой за независимость. Ингушско-осетинский конфликт — это и территориальный, и межреспубликанский, и межобщинный на территории Северной Осетии.
Поэтому исследователи говорят о «кластерах» конф¬ликтов, поскольку такое понимание дает более широкое основание для их урегулирования. При этом сам процесс регулирования связан с формой, длительностью, масштабами конфликтов.
Важное значение для понимания особенностей конкретных ситуаций и выработки мер по их урегулированию имеет и учет стадий развертывания этноконфликтов, а также тех основных сил и движений, которые действуют на них и определяют их течение. Ибо он позволяет более детально раскрыть процесс и механизмы их детерминации. Так, применительно к нашим условиям, он позволяет показать, что появление национально-патриотических и особенно национально-радикальных движений переводит межнациональный конфликт из потенциальной в актуальную стадию и знаменует начало выработки четких и твердых притязаний и позиций в нем, находящих выраже¬ние в программных документах и декларациях этих движений.
Как правило, эта стадия, в случае дальнейшей эскалации конфликта, служит подготовкой к следующей стадии — конфликтных действий, становящихся в ходе нарастания остроты конфликта все более насильственными. По мере накопления жертв и потерь конфликт на этой стадии делается все менее управляемым и цивилизованно разрешимым. Тем самым развитие межнациональной конфронтации все больше подводит конфликт к черте, за которой может по¬следовать национальная катастрофа, и потому жизненно необходимым становятся меры по его скорейшему ослаб¬лению и умиротворению, такие, как посредничество, консультирование, переговорный процесс и т.п., нацеленные на достижение национального консенсуса или, по крайней мере, компромисса.
Результативность достижения последних, в особенности консенсуса, является показателем того, в какой мере приведень* в действие демократические и гуманистические способы урегулирования и разрешения межнациональных конфликтов, позволяющие нейтрализовать националистические установки и конфронтационные устремления их участников и помочь каждому из них перейти от жесткого или даже насильственного противодействия национальных общностей и их представителей к эффективному и согласованному взаимодействию с ними ради совместного удовлетворения коренных потребностей и интересов всех участников возникшей межэтнической коллизии. Развертывание этого процесса означает укоренение и за¬крепление общедемократического принципа приоритет¬ности и неотъемлемости прав и свобод каждого человека в специфической сфере межнациональных отношений.
Конфликтрлогический анализ под углом зрения возможностей достижения консенсуса между этносами не мо¬жет удовлетвориться простым обоснованием значимости данного прогрессивного по своей направленности процесса для демократизации межнациональных отношений. Он предполагает также осмысление технологических и организационных мер по его обеспечению. «Стержневой» проблемой здесь в настоящее время выступает создание специальной и разветвленной этноконфликтологической экспертизы, основная задача которой, как показывает мировой опыт, должна состоять в том, чтобы на базе серьезного диагностического и прогностического анализа отслеживать зарождение и развертывание конфликтных процессов и в зависимости от

их характера выдвигать обосно¬ванные предложения по их локализации, рационализации и урегулированию посредством компромиссных или кон-сенсусных технологий.
Опыт последних лет отчетливо показывает: очаги межнационального «возгорания» можно эффективно обезопасить, а тем более потушить лишь целенаправленными, последовательными и терпеливыми усилиями. И эти усилия должны опираться на специально разработанные для этого меры и соответствующим образом организованные посреднические структуры, концептуально и методически оснащенные.
В настоящее время наибольшие организационные трудности в урегулировании и предотвращении этнонаци-ональных конфликтов и конфронтации связаны с отсутствием в государствах СНГ, в том числе РФ, разветвленной специализированной сети организаций^ю предотвраще¬нию и урегулированию внутренних конфликтов. Больше всего ощущается отсутствие институтов, осуществляющих мониторинг за развитием этнополитической ситуации в обществе, раннюю диагностику и прогнозирование воз¬никновения конфликтов, а также отсутствие конфликто-логического менеджмента в виде службы «быстрого реагирования». Главной задачей такой службы является защита людей, недопущение эскалации конфликтов, расширения их зоны, организация переговорного процесса, а также интенсивное обучение людей способам правильногб реа¬гирования на конфликтную ситуацию и поведения в ней.
Такого рода служба (или их совокупность) должна, по-видимому, постепенно и целенаправленно складываться при содействии властных структур из множества органи¬зационных звеньев разного уровня и охвата и носить обще¬ственно-государственный характер, то есть тесно взаимодействовать с административными и представительными органами в центре и на местах и в то же время быть относи¬тельно независимой от них, избегая их возможного диктата и манипулирования.
Подобная организация позволила бы, наряду с налажи¬ванием мониторинга, дающего представление о состоянии и динамике этноконфликтных ситуаций, осуществлять практическое посредничество между различными группами населения, участвующими в них, а также между администрацией и населением и вместе с тем критически анализировать и оценивать характер и результаты различных управленческих воздействий на эти ситуации с целью их разрешения. Обосновывая необходимость принципиального отказа от методов насилия в отношениях между этносами, затрудняющих демократизацию общества и тянущих его назад, к тоталитаризму, ориентируясь на-обеспечение компромисса как признания конфликтующими сторонами правомерности притязаний их оппонентов и особенно консенсуса как способа принципиальной и долговременной гармонизации взаимоотношений этносов, участвую¬щие в посредничестве конфликтологи получили бы возможность содействовать восстановлению в правах и значимости глубинных ценностей человеческого бытия, укреплению оснований жизни и деятельности общества и тем самым возвращению ей ее подлинного.смысла, а социальным конфликтам — позитивного общественного значения и функции.
Важную роль в этом отношении должно сыграть оформление результатов конфликтологического анализа в виде соответствующей экспертизы межэтнических конфликтных ситуаций и коллизий и превращение ее на этой основе в специфическую

технологическую процедуру, позволя¬щую доводить результаты конфликтологического анализа до их практического востребования и использования для регулирования и разрешения реальных конфликтных столкновений.
Прежде всего, общая задача такого рода экспертизы видится в том, чтобы обеспечить конструктивное участие конфликтологии в демократическом преобразовании современного российского общества. Именно в рамках этой основной задачи она должна содействовать практическому налаживанию в межнациональных отношениях конфликтологического мониторинга и менеджмента как действенных инструментов, позволяющих отслеживать зарождение конфликтных ситуаций, выявлять их «болевые точ¬ки», уровень напряженности, динамику, характер действий конфликтующих сторон и т.п. и на этой основе разрабатывать и претворять меры по предупреждению и урегулированию конфликтов, стабилизации социальных отношений и содействию реформам.
При этом важно учитывать, что острота и размах межэт¬нических конфликтов обусловлены прежде всего как по¬лиэтническим составом населения России, которое состоит из представителей более 100 больших и малых этнических общностей, так и значительной долей в федеративной структуре национально-государственных образований: среди 89 самостоятельных субъектов Федерации — более трети приходится на национальные республики и разного рода национальные автономии.
Не случайно поэтому с развалом советской «империи» на всем ее обширном пространстве образовалось множество зон межнационального напряжения, которое при определенных условиях грозит вылиться или уже вылилось в открытые столкновения, в том числе и вооруженно¬го характера, несущие многочисленные жертвы и разрушения. В настоящее время специалисты насчитывают свыше 200 такого рода зон, основная часть которых приходится на территорию РФ.
По уровню напряженности их можно подразделить на три основных вида:
— «горячие точки», Где пролилась или продолжает литься кровь, применено вооруженное насилие и имеются существенные потери человеческих и материальных ресурсов;
— зоны, напряжение в которых находится на грани возможного перерастания в открытые межэтниче¬ские противостояния или приближается к ней;
— зоны, в которых межнациональное напряжение уже отчетливо проявилось, но имеет еще достаточ¬но низкий уровень.
Общим для всех трех зон является то, что повсюду межнациональная напряженность, а тем более конфликты, особенно с применением вооруженного насилия, затрудняют проведение социально-экономических и политических преобразований, тормозят объединение общественности вокруг гуманистических, демократических идеалов.
Вместе с тем ясно, что в каждой из зон способы социального контроля за развертыванием межнациональных конфликтов и меры по их эффективному урегулированию и предупреждению должны иметь существенные различия. Особую остроту межэтнические отношения приобретают в автономных республиках и других национально-территориальных субъектах Российской Федерации, поскольку именно там ширится представление о том, что только укрепление суверенитета способно обеспечить национальные интересы. Сами эти интересы зачастую понимаются при этом только как интересы титульной нации, а суверенитет — как перевод федеративных отношений, по существу, в конфедеративные.

Обострению межэтнической напряженности содействуют и другие социальные факторы. Все они в совокупности создают опасность для втягивания этих национально-государственных субъектов в крупномасштабное вооруженное насилие — межэтнические войны, а также в столкновение с федеративными властями. При этом в противоборство, как показывает практический опыт, мо¬гут быть вовлечены государства как ближнего, так и дальнего зарубежья, что обостряет не только внутреннюю, но и международную напряженность и усиливает опасность превращения вооруженного столкновения в многосто¬ронний широкомасштабный и даже ядерный конфликт, выходящий за локальные региональные рамки и приобретающий глобальный характер.

В этой ситуации основной акцент в этноконфликтоло-гической экспертизе, как представляется, необходимо сделать на выявлении конфликтогенных факторов (политических, экономических, социально-психологических, этнических, культурных, религиозных и т.п.), вызывающих и обостряющих типичные конфликтные ситуации во взаимоотношениях этносов в различных регионах страны,
в особенности тех, которые ведут к вооруженному наси¬лию, на раскрытии дестабилизирующих и деструктивных последствий действия этих факторов, а также на поиске и обосновании возможных мер по их нейтрализации и по приданию социальным конфликтам характера и форм, содействующих общему улучшению социальной ситуации и движению общества к развитой демократической стадии. При этом основной, «стержневой» проблемой, вокруг которой должна, как представляется, «вращаться» вся со¬временная конфликтологическая экспертиза, выступает проблема обеспечения социального партнерства как основного способа принципиального разрешения социальных конфликтов вообще, этнополитических конфликтов в частности.

На этом принципе, как фундаменте, должна базироваться, по-видимому, национальная политика, если она хочет быть адекватной, эффективной и демократически ориентированной, и опираться на научный анализ и мировой опыт.

Пока что этого о нашей национальной политике сказать нельзя, как, впрочем, нельзя сказать и того, что мы вообще имеем сейчас последовательную, целенаправленную и принципиальную политику в сфере национальных отношений и присущих им коллизий. Скорее в этом отношении со стороны теперешних властей наблюдается сугубо ситуативный подход, стремление воздействовать на развертывающиеся и обостряющиеся межнациональные конфликты с точки зрения «целесообразности», задавае¬мой определенной позицией и оценкой, зачастую весьма слабо опирающимися на предварительную конфликтоло-гическую экспертизу и вытекающие из нее рекомендации. Нельзя сказать, что в духе обеспечения партнерства и взаимопонимания, избегания конфронтационности в межнациональных отношениях действуют и наши средства массовой информации. В этом направлении также требуется поэтому большая аналитическая, разъяснительная и корректирующая деятельность конфликтологов. Предстоит всесторонне изучить и технологически проработать и такое важное направление в регулировании межнациональных противоборств, как налаживание партнерских взаимоотношений Центра и регионов, без которого невозможно обеспечить развертывание и укрепление федеративных начал в национальной политике как выражение ее демократичности.

Этноконфликтологическая экспертиза и составляющий ее основу конфликтологический мониторинг и менеджмент призваны в конечном итоге показать, что при правильной и

принципиальной национальной политике центральная власть может нейтрализовать разыгрывание местными политическими лидерами и национальными элитами этнической карты и сохранить необходимую стабильность Российского государства на почве усиления интегративных, объединительных, партнерских усилий. При этом под межэтнической интеграцией, объединением, партнерством имеется в виду вовсе не отказ от национальной культуры, самобытности, традиций, а перераспределение акцентов: примат общечеловеческого
— человеческих прав, ценностей, коллективного баланса интересов над более частными — узкоэкономическими, конкретно-политическими и этнокультурными интересами, национальными и государственными — и налаживание доброжелательного взаимодействия на этой общезначимой почве.
Однако эффективность этих усилий в посттоталитарном обществе в значительной мере определяется ис¬ходом борьбы между демократическими силами и такими разнородными, но постоянно стремящимися к тактическому объединению силами, как тоталитаристский реваншизм, великодержавные и националистические течения. Поэтому Этноконфликтологическая эксперти¬за призвана показать, что интеграционистская ориента¬ция может и должна выступить как преграда на пути эт-нонационального эгоизма и взаимной агрессии, как эмоциональная и интеллектуальная предпосылка для предотвращения и урегулирования межнациональных конфликтов.
Чтобы сделать это на основе квалифицированного эт-ноконфликтологического мониторинга и менеджмента, в экспертизе необходимо:
— определить уровень недовольства различных этниче¬ских групп населения своим экономическим, полити¬ческим, социальным положением, культурным и бытовым состоянием как в ряде конкретных регионов (прежде всего таких, как Северный Кавказ, Южное приграничье, Поволжье, Западная Сибирь и др.), каждый из которых соответствует тому или иному уровню межэтни¬ческой напряженности, так и по стране в целом;
— выявить:конфликтогенные факторы объективного и субъективного порядка, дестабилизирующие межэтническую ситуацию, их взаимосвязь и взаимосоотнесенность по степени важности и значимости в зависимости от способности влиять на обострение конфронтации этнических групп;
— тенденции и условия развития межэтнической ситуации в направлении ее стабилизации и нормализации, а также основные барьеры на этом пути, включая сложившиеся идеологические стереотипы и социально-психологические установки;
— уровень готовности представителей различных этнических групп к конфронтационным или компромиссным и консенсусным формам поведениям конфликтных ситуациях, а также степень их образовательной и специальной подготовки к активному участию в предотвращении, урегулировании и ненасильственном разрешении конфликтов;
— разработать и предложить для реализации соответствующим представительным органам и административным структурам в регионах способы и формы предотвращения и урегулирования конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений на основе учета и нейтрализации конфликтогенных факторов, стабилизации общей экономической и социально-политической обстановки и корректировки массового сознания и поведения в направлении более широкого и основательного освоения демократиче¬ских норм и

правил.
При этом в разработке концептуальных оснований и организационных принципов этноконфликтологического мониторинга и менеджмента основной упор, как представляется, необходимо сделать на учете и использовании внутренней мотивации поведения представителей конфликтующих этносов и других участников межэтнических коллизий, их ценностных ориентации и социально-пси¬хологических установок, идентификаций и стереотипов. Это связано с тем общим представлением, что человек или группа людей, включенные в систему общественных, в том числе и межэтнических, отношений, могут определенным образом трансформировать свое поведение, лишь корректируя свои идентификации с теми или иными общностями, их установками и ориентациями и тем самым, меняя регуляторный механизм своего индивидуального и группового поведения.